«Вот же чёрт! Самая важная строчка безнадёжно слиплась из-за медовой тянучки, припрятанной за пазухой!»

Цзюнь Жухэн попытался соскрести её ногтями, но засохший сироп намертво въелся в бумагу.

Время поджимало. Чу Яо мог вернуться в любой момент. Цзюнь Жухэн едва сумел разобрать два иероглифа — «Драконья жила». Лицо его дрогнуло. Спешно сдув с обложки остатки липких крошек, он втиснул книгу на прежнее место и бросился прочь из кабинета.

«Способна укрепить Драконью жилу? Или разрушить? А может, напитать её?..»

Цзюнь Жухэн быстро шёл по извилистым галереям усадьбы, а в его голове, сменяя друг друга подобно праздничным фонарям, кружились догадки.

Он и сам не знал, сколько блуждал в темноте. Полночный лунный свет заливал просторный двор перед главным залом, и в чистой воде застывшей лужи отразилось его бледное, встревоженное лицо.

Душа птицы Бифан чиста и преданна, а её первородная кровь способна напитать Драконью жилу.

Цзюнь Жухэн понимал, что это — самое разумное объяснение.

Внезапное озарение обожгло разум, и он наконец понял, ради чего Чу Яо когда-то спас его. Мирские любовь и ненависть не рождаются из пустоты — всё имеет свои причины и следствия. Даже милосердный Бодхисаттва не склонит взор без повода, что уж говорить о наследнике престола и маленькой духовной птице, пришедшей к нему со злым умыслом.

И всё же Чу Яо не воспользовался этим.

С самого начала их поездки на восток у принца было бесчисленное множество возможностей. Да что там — всего несколько часов назад, согласись он с намёками старого евнуха, подыграй ему хоть немного… Император Вуле, не колеблясь разрушивший дамбы, заставил бы принести птицу в жертву. И будь у духовного создания хоть девять жизней, спастись бы не удалось.

Чу Яо и сам увязал в паутине чужих интриг, но его главной бедой, кажется, было обыкновенное милосердие.

Ночной ветер приятно холодил кожу, прогоняя остатки хмельного тумана. Цзюнь Жухэн поднял глаза к небу. Одинокое облако на мгновение закрыло луну лёгкой тенью и тут же растаяло без следа, оставив после себя чистый, щемящий душу свет.

Он понимал, что с самой первой встречи задолжал Чу Яо слишком много. А после сегодняшней ночи этот долг стал столь велик, что пришло время его отдавать.

***

Великолепная лунная ночь не принесла за собой ясного утра.

К рассвету поднялся сильный ветер, и хлынул дождь.

Вокруг Зала Великого Предела царило безмолвие. Вода скатывалась с крыши сплошной хрустальной пеленой, с шумом разбиваясь о гранитные плиты мостовой.

— Ваше Высочество, поберегите подол, не ровён час намочите одеяние, — евнух Чэнь стоял неподвижно, пряча руки в широких рукавах. Не сделав ни шагу навстречу, он лишь небрежно кивнул молодому слуге за своей спиной. — Его Величество уже давно дожидается вас внутри.

Служка торопливо согнулся в три погибели, подставляя скамеечку для выхода из паланкина, но Чу Яо проигнорировал её. Ступив на землю, он пошёл прямо по лужам, пачкая начищенные сапоги.

— Благодарю за встречу, евнух Чэнь. Как здоровье батюшки в последнее время?

Евнух Чэнь прекрасно заметил мелькнувшее на лице принца отвращение. Растянув губы в фальшивой улыбке, он процедил:

— Вашими молитвами, господин, жаловаться не на что. Не будем терять времени. Его Величество ещё на рассвете приказал: как только вы вернётесь в столицу, тотчас проводить вас в Зал Беспредельного, дабы вы возжгли благовония перед предками.

Наглость евнуха едва не выплескивалась через край. Цзян Ли помрачнел и схватился за рукоять сабли, собираясь проучить наглеца, но Чу Яо незаметно выставил руку, приказав телохранителю оставаться на месте.

— Долг преданного слуги и сыновний долг обязывают меня к этому, — спокойно ответил Чу Яо.

Перед тем как войти во дворец, он снял свои особые очки из цветного стекла. Теперь его незрячие, лишённые живого блеска глаза тускло смотрели на скрытые за дождевой пеленой очертания павильонов. В этой туманной серости каждый из них скрывал свои тайны.

Император истово верил в учение даосов, а потому Дворец Уцзи был возведён по подобию обителей Трёх Чистых. Огромные алые колонны, казалось, упирались прямо в небесный свод. Посреди зала высилась огромная, в человеческий рост, позолоченная курильница с ручками в

виде извивающихся драконов. Из её пасти непрерывной струёй валил сизый дым.

Переступив порог, Чу Яо тотчас ощутил этот удушливый, до тошноты знакомый аромат благовоний. Дыхание перехватило, спина мгновенно натянулась, точно тетива лука.

— А-Яо, ты пришёл.

Из клубящегося сизого дыма медленно проступил силуэт человека, восседавшего на циновке в позе созерцания. Перед ним висели три исполинских свитка с портретами прежних правителей. Одеяния на них менялись в зависимости от эпохи, но черты лиц оставались пугающе одинаковыми.

Клубы фимиама плавно овевали нарисованные лица, словно стремясь в точности повторить эти контуры на живом человеке: длинные, уходящие к вискам брови со сглаженным изломом и слегка опущенные уголки глаз, придававшие лицу милосердное выражение, когда владыка взирал на своих подданных.

Однако сейчас, когда эти глаза снизу вверх смотрели на портреты, белки под зрачками обнажались слишком сильно — в трактатах по физиогномике такой взгляд называли врождённым признаком скрытой жестокости и коварства.

Великий наставник Ян Бинжэнь как-то обмолвился, что нынешний государь из всех сыновей покойного императора унаследовал самый схожий с отцовским нрав и облик. И именно этому сходству он во многом был обязан престолом.

Император Вуле сидел неподвижно, не отрывая чёрных блестящих зрачков от полотен, точно заворожённый собственным величием. Лишь уловив шорох шагов за спиной, он неохотно отвёл взор.

— Что застыл у порога?

Старческий голос прозвучал глухо, точь-в-точь как застоявшийся в воздухе аромат благовоний. Под напускным величием и спокойствием в нём угадывалось едва заметное увядание.

Чу Яо напрягся ещё сильнее. Опустив руки вдоль тела, он склонился в глубоком поклоне:

— Сын ваш замешкался с военными отчетами и припозднился с приветствием. Прошу отца судить меня строго.

— Пустяки, — император Вуле негромко покашлял и поманил его к себе сухим жестом. — Поездка на восток выдалась трудной. Подойди поближе, дай мне взглянуть на тебя. Уж не исхудал ли?

Подавив подступившую к горлу тошноту, Чу Яо покорно шагнул вперёд.

Дрожащая старческая длань поднялась и легла на щеку юноши. Проведя долгие годы на троне в праздности и покое, император никогда не держал в руках боевого лука и не натягивал тетиву. Кожа его ладоней была гладкой, ухоженной, лишённой даже намёка на мозоли.

И всё же стоило Чу Яо чуть опустить взгляд, как он замечал на этой холёной коже едва приметные, блёклые пятна старческой гречки.

Неумолимое угасание жизненных сил — увядание, которое невозможно было скрыть никакими притираниями и пудрой.

Ледяные пальцы скользнули по челюсти вверх. Тонкие подушечки ощупали переносицу, крылья носа, надбровные дуги — медленно, тщательно, словно силясь сквозь живую плоть прощупать саму кость, взвесить и оценить каждую её крупицу.

По мере этого осмотра мнимое благодушие окончательно сошло с лица владыки. Его брови сошлись у переносицы, а в затуманенных, с широкими белками глазах закипела глухая, яростная буря.

Вдруг пальцы императора сжались мёртвой хваткой. Резкая, ослепляющая боль пронзила Чу Яо, едва не заставив его закричать.

Пальцы отца вонзились в его лицо подобно железным клещам. С какой-то дикой, застарелой ненавистью император давил на кости черепа, будто мечтал раскроить их и вылепить заново.

Мучительная боль мгновенно разошлась от лица по всему телу. Чу Яо показалось, будто душа его вот-вот покинет бренную оболочку. В безуспешных попытках отстраниться он забыл, как дышать; в груди заклокотал тяжёлый, удушливый ком тошноты. Словно утопающий, он чувствовал, как стремительно леденеют пальцы рук и ног, а дыхание сбивается на свистящий хрип, но так и не вымолвил ни единой просьбы о пощаде.

Наконец, обессилев, император разжал хватку. Жуткий обряд «ощупывания костей» подошёл к концу.

Прижав ладонь к груди, старик шумно ловил ртом воздух. На его тонких губах проступило подобие ласковой улыбки, но налитые кровью белки глаз делали это выражение лица зловещим и пугающим.

— Не то… Опять не то. Почему ты совсем на меня не похож? Ну почему у тебя такое лицо?..

Отец шептал эти горькие упрёки раз за разом, но Чу Яо даже не дрогнул — для него это было делом привычным.

Он неторопливо выпрямился, оправил складки парадного халата. По мере того как багровые следы от чужих пальцев на его щеках бледнели, к нему возвращалось прежнее ледяное спокойствие.

— Сын ваш — лишь обычный смертный, обделённый достоинствами. Судьбу человека можно переписать набело, но кости не переделать — им вовек не принять ту форму, какую желал бы видеть отец. Простите, что разочаровал вас.

Лицо императора исказилось от гнева. Он замахнулся для удара. Чу Яо послушно прикрыл веки, однако звонкой пощёчины так и не последовало.

Спустя мгновение холодные пальцы мягко опустились на его макушку.

— Ладно… Ты ведь дитя моей любви к Чжаожоу. Каким бы ты ни уродился, для меня ты всегда будешь величайшим сокровищем.

При звуках этого имени Чу Яо на мгновение забылся. Перед его мысленным взором вновь возник далёкий, полузабытый образ уютного дворика, утопавшего в цветущих деревьях фэнхуан.

Тогда небо за окном казалось бесконечно высоким и чистым, а тихий, певучий голосок матери, напевавшей южные мотивы, скрашивал унылое течение долгих дней.

В те годы ещё полный сил отец часто стоял рядом с ней — они казались идеальной парой.

Те картины до сих пор бередили душу своей первозданной яркостью.

Вот только деревья фэнхуан в том дворике давно увяли и превратились в прах.

Чу Яо до гробовой доски не забудет ту суровую зиму. Под непрестанный грохот грома горсть за горстью сырая земля засыпала хрупкое тело матери. Сначала скрылись плечи, затем тонкая шея… грязь забила её рот, из которого хлестала кровь, мешая сказать последнее слово, а после поглотила и лицо.

Последнее, что он запомнил, — её глаза, полные невыразимой скорби, любви и отчаяния.

Когда упал последний ком земли, мир перед глазами мальчика померк навсегда. С того рокового дня весна больше ни разу не заглядывала в этот проклятый двор, похоронивший под собой все его детские радости.

— До меня дошли слухи, что во время пребывания в Цзичжоу ты отправлял тайные послания бывшим военачальникам удела Хань.

Резкий голос прервал его видения. Император неторопливо расправил подол халата на коленях и сухо добавил:

— Если бы гвардейцы Чжулун не подоспели вовремя и мятежники захватили Цзичжоу, разве ты не обрёк бы тем самым наши земли на гибель?

Слова прозвучали тихо, но скрытая в них угроза была очевидной.

Справившись с нахлынувшими чувствами, Чу Яо ответил:

— Отец зрит в самый корень. Посетив переправу Куйчуань, я заметил, что прежние воеводы Цзичжоу боролись с наводнениями лишь одним способом — надстраивали речные дамбы. Со временем древний тракт Юнчуань, по которому мятежникам неизбежно пришлось бы вести свои силы для окружения, оказался в низине…

— С чего ты взял, что они пошли бы именно этой дорогой? — оборвал его император.

— Потому что я сам во главе личной гвардии перекрыл бы им путь на развилке тракта. Мятежники шли под знамёнами искоренения нечисти, и убрать меня для них было первоочередной задачей. И если бы Небеса отвернулись от нас…

— То что?

— То я повторил бы ваш давний подвиг: велел разрушить плотину и утопил бы это отребье вместе с собой, — спокойно ответил Чу Яо.

Вуле долго всматривался в его лицо, а затем разразился хриплым смехом:

— Если не брать в расчёт твою никчёмную кость, то решимостью ты и впрямь пошёл в наш род Чу. Жаль только…

Остаток фразы потонул в глубоком вздохе. Чу Яо не счёл эти слова похвалой и не выказал ни капли любопытства. Покопавшись в рукаве, он извлёк докладной свиток и почтительно протянул отцу.

— Согласно вашему повелению, Военное министерство составило список лиц для пополнения гарнизонов в землях Хань. Прошу отца ознакомиться с ним.

Заметив секундную заминку в голосе сына, император развернул свиток и как бы невзначай обронил:

— На днях до моих ушей донёсся слух, будто ты затеял переписку с северными рубежами. Правда ли это?

Вопрос прозвучал на редкость обыденно, словно речь шла о пустяках.

Стоявший у дверей зала стражник, обладавший чутким слухом, мгновенно напрягся и крепче сжал рукоять сабли.

Внутри у Чу Яо всё похолодело, но он сохранил внешнее хладнокровие:

— Скоро годовщина кончины моего деда по материнской линии. Дядя прислал весточку с просьбой затеплить в его память лампаду в нашем старом поместье в Цзиньлине.

Дед принца по матери, князь Цяньцю Юй Хэлин, некогда гремел славой как великий полководец Великой Инь в годы правления Лункан. Он принадлежал к числу немногих избранных, кого покойный император пожаловал титулом удельного князя, невзирая на иную фамилию.

Дом Юй пользовался безграничным доверием трона. Сын и дочь старого воителя унаследовали высокое положение: дочь, Юй Чжаожоу, вошла в Восточный дворец в качестве законной супруги наследника, а юный сын, Юй Ло, в самом нежном возрасте удостоился чести возглавить гвардию Сянлун. В ту пору величию их клана завидовала вся империя.

Но стоило отгреметь тому страшному зимнему грому, как императрица Юй скоропостижно скончалась. Не успели завершиться поминальные обряды, как отца и сына Юй спешно отправили на северо-западные рубежи. Границы тогда полыхали в огне, дикие племена терзали северные земли Великой Инь. Окружённый врагами, старый князь Цяньцю три дня удерживал обречённую крепость и пал на поле боя как герой.

Его сын, Юй Ло — тот самый дядя, о котором говорил Чу Яо, — принял командование прямо посреди бушевавшего сражения. Среди стылых ветров и бескрайних ковыльных степей севера он быстро превратился в несокрушимый щит рубежей империи, за что в народе его с уважением прозвали Маленьким принцем.

И в нынешнем списке, поданном принцем, значилось немало имён тех, кто когда-то верой и правдой служил под началом старого князя Юй.

Чу Яо придал лицу встревоженное выражение, словно его уличили в заговоре:

— Надеюсь на мудрость отца. Сын ваш лишь рассудил, что эти люди, искушённые в ратном деле, сумеют навести порядок на неспокойных окраинах. Никаких иных помыслов у меня не было.

Император неторопливо перелистывал список. Его веки опустились, скрыв любые проявления чувств.

Сказать по правде, ветераны дома Юй подходили идеально. Вуле и сам подумывал призвать Юй Ло обратно в столицу, но этот гордый титул — Маленький принц — непрестанно колол ему глаза, напоминая, чьим сыном и чьим братом был этот дерзкий воитель.

К тому же, Юй Ло в последнее время слишком близко сошёлся с наследником…

Император с сухим хлопком закрыл тетрадь.

— Мы вернёмся к этому позже. Что касается Чэнцэ…

Вуле умышленно назвал воеводу по взрослому имени.

— Пусть остаётся на границе. Не стоит обременять его столь долгой и утомительной дорогой в столицу.

Чу Яо покорно склонил голову, притворившись глубоко удручённым. Все последующие вопросы отца он выслушивал с видимым равнодушием и отвечал невпопад. Заметив его безучастность, император потерял интерес к беседе и небрежным взмахом рукава отпустил его.

Едва покинув пределы Зала Беспредельного, Чу Яо мгновенно преобразился. От его недавней покорности не осталось и следа.

На улице всё ещё неистово лило. Цзян Ли бросился к господину, намереваясь укрыть его широким зонтом, но Чу Яо удержал его руку.

Гнёт тайных мыслей терзал Цзян Ли, а холодное отчуждение принца отзывалось в его груди тупой болью. И всё же он упрямо шёл следом, удерживая зонт так, чтобы тот закрывал плечи Чу Яо, в то время как сам он вымок до нитки — от макушки до кончиков сапог.

— Цзян Ли.

—… Слушаю вас.

— Через пару дней затепли лампаду в память о дедушке.

В глазах Чу Яо на миг промелькнул странный огонёк. Он спрятал ладони в широкие рукава халата, нащупав пальцами спрятанную там потайную записку.

Именно там лежал подлинный ответ от дяди.

«В столице — лишь ложь да подлые козни, и никто не знает, что принесёт завтрашний день. То ли дело дикие северные степи! Натянуть поводья боевого коня да пустить кровь парочке степных псов — вот оно, истинное счастье!»

Дядя сделал свой выбор. И Чу Яо меньше всего желал вновь втягивать доблестный род Юй в ту грязную, кровавую пучину, что вскоре должна была поглотить столицу. Пускай хотя бы он проведёт жизнь свободно и честно.

В этот момент из глубины безлюдной улицы навстречу им выбежал запыхавшийся человек. Это был Чи Сяоюй.

— Небеса правые, наконец-то я отыскал вас! Скорее, господин! С вашей духовной птицей стряслась беда!

http://bllate.org/book/18274/1750185